

ЭТНОГОНИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ. ОБЩИЙ ОБЗОР

1. При изучении истории племен и народов, естественно, следует учитывать все имеющиеся данные, обычно противоречащие друг другу. Для самых ранних этапов этнической истории, уходящих в палеолит, можно привлечь только данные антропологии, археологии и отчасти смежных наук (палеогеографии, палеонтологии). Лишь на самых поздних этапах появляется возможность использовать лингвистические данные, причем восстановление более древнего облика языка практически возможно приблизительно в пределах трех тысяч лет от известного уровня. Быстрое распространение некоторых языков в качестве межплеменных чрезвычайно затрудняет выяснение вопроса о языковой принадлежности племени до перехода на межплеменный язык. Между тем взаимный обмен лексикой и грамматическими конструкциями приводит в конечном счете к появлению новых языковых семей, исходные компоненты которых не имели между собой решительно ничего общего. На этих же самых поздних этапах этнической истории появляется возможность использовать легенды о происхождении и истории племен и народностей (в дальнейшем народов).

2. При рассмотрении этногенетических и исторических легенд, естественно, прежде всего возникает вопрос о том, насколько они являются достоверными. Этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания. Во многих случаях об истории племени вообще нет никаких других источников (в том числе археологических), кроме легенд. Таким образом, речь идет о критике источника, единственного и незаменимого (если, разумеется, не будут сделаны новые неожиданные находки).

По общему мнению исследователей, языки появились в начале верхнего палеолита. Опровергнуть это общее мнение невозможно, если придерживаться фактов. Помимо многочисленных аргументов, представленных археологией (в первую очередь переход на производство орудий для изготовления орудий, что, несомненно, требовало адекватной сигнализации) и антропологией (становление органов артикуляции), можно отметить синхронное появление пиктографии. Сюжетные графические записи решительно невозможны при сигнализации, употребляемой в объединениях млекопитающих, в том числе антропоидов.

Отсюда следует, что никакая легенда не может восходить ко временам до верхнего палеолита (как утверждали некоторые исследователи). Своего рода естественные эксперименты доказали, что человек, хотя бы и взрослый, но выросший среди зверей и впервые обучившийся человеческому языку, ничего не помнит о предыдущей жизни. Человеческая память неразрывно связана с человеческим языком, что пред-

ставляется естественным в свете общих данных психологии. Человек, выросший в объединении зверей или нулевым (при полной изоляции), обладает той сигнализацией и той памятью, которая свойственна этому объединению. При обучении сигнализации высшего, совершенно иного типа перекодировки не происходит, и все предыдущие события не могут войти в память сознания (хотя и остаются в памяти мозга и могут проявляться, например, в снах). Перекодировка (спонтанная, без посредника) в данном случае невозможна в связи с неадекватностью сигналов разных уровней.

Появление человеческих языков в начале верхнего палеолита теоретически означает возможность сохранения устной традиции только с этого времени. Как отмечено выше, графическая («письменная») традиция в виде сюжетной пиктографии восходит к этому же времени.

Возникает, однако, вопрос, насколько языки палеолита отличались от современных и были ли они в состоянии обеспечить передачу устной традиции. В одной из предыдущих статей приводились аргументы в пользу того, что сигнализация высшего типа (человеческий язык) появилась и могла появиться только скачкообразно, сразу с громадной избыточностью, способной обеспечить не только ближайшие нужды (из-за которых она и появилась), но и дальнейшие непредвиденные цели. Например, легенда о падении известного арizonского метеорита свидетельствует о сохранении устной традиции в течение 25 тыс. лет, хотя падение метеорита никак не было связано с весьма суровой жизнью палеолитических охотников. По-видимому, этногонические и исторические легенды вполне могли (по свойствам языка) сохранить точные факты начиная с верхнего палеолита. Тем самым легенды приобретают характер источника первостепенной важности.

3. Рассмотрение конкретных исторических легенд обычно показывает как раз обратное (во всяком случае по первому впечатлению). История, по легендам, уходит в прошлое всего на несколько веков, если не меньше, а исторические факты, которые можно подтвердить другими источниками, оказываются смешанными в хаотическом с точки зрения историка порядке. Первое, что может заподозрить историк, — это некомпетентность хранителей племенных традиций, которые не сумели их сохранить в первоначальном виде, т.е. исказили. Однако существовавшая в племенах практика сохранения традиций опровергает возможность сколько-нибудь сильных искажений, а тем более таких, какие наблюдаются. История племени была священной традицией, знать ее полагалось отнюдь не каждому желающему, а только посвященным, сведения по истории входили в необходимый минимум знаний будущего полноправного члена племени при инициации. Знатоки исторических легенд применяли различные мнемотехнические и фасцинирующие приемы, чтобы облегчить запоминание текста и произвести

наибольшее впечатление на слушателей. История племени входила в общую сумму знаний, которыми располагало и которые свирепо оберегало племя. Искажение истории племени, равно как, например, нарушение правил охоты или брачных запретов, по-видимому, каралось немедленно и без разговоров. Любой нарушитель племенных традиций мог быть побит камнями (кажется, классический способ со времен палеолита) даже раньше, чем он сам успел понять, что именно он нарушил.

Разумеется, древнейшие этногонические легенды не содержали истории в современном смысле. Возможность их сохранения была гарантирована достаточно надежно, насколько можно судить. Очевидно, возникли настоятельные причины не только прервать древнюю традицию, но и принять решительные меры против ее сохранения.

4. История племен, известная по многочисленным легендам Старого и Нового Света, обычно начинается с ухода с некоторой прародины и сводится к описанию различных бедствий и приключений во время странствий, пока племя не находит себе новое место жительства.

Может показаться, что в условиях слабой по современным масштабам заселенности найти новую подходящую местность для племени не составляло особого труда. В действительности дело обстояло как раз наоборот. Племена, которые вели присваивающее, преимущественно охотничье хозяйство, имели строго определенную территорию. Ресурсы этой территории были примерно сбалансированы с потребностями племени. Поэтому вторжение чужаков вызывало немедленную и решительную реакцию и их стремились изгнать или истребить. Строго определенная территория, тщательно охраняемая, есть, кстати, и у объединений млекопитающих, особенно хищников.

Племя, покидавшее свою территорию, должно было иметь для этого очень серьезные причины. Никаких ясных перспектив оно не имело. Нужно было пробиваться, часто силой оружия, через территорию других племен, ведя за собой женщин и детей. Старых и слабых бросали или убивали. Прежде чем удавалось найти или занять силой новую территорию, племени часто приходилось пройти форсированным маршем огромное расстояние.

Собственно, уход со своей территории (прародины) был сам по себе нарушением всех древних традиций и привычного уклада жизни. Соответственным образом появляется перебой традиции и в исторических легендах, которые всячески восхваляют героический поход на новую родину, но, как правило, почти ничего не сообщают о прародине, а тем более о предыдущей истории племени. Древние исторические легенды в условиях похода фактически неизвестно куда и сопряженного с непрерывными опасностями и лишениями могли вызвать только недовольство, желание вернуться и т.п. Для вожаков похода пути назад

не было. В пути возникали новые традиции и новые легенды. История племени начиналась с ухода с прародины. Из предыдущих исторических легенд могли сохраниться только нейтральные сведения, не противоречащие новым установкам.

Разумеется, далеко не у всех племен была такая героическая история, как, например, у астеков, которых гоняли с места на место несколько столетий, прежде чем они нашли себе надежное убежище. Но именно такие героические эпопеи наиболее известны.

Таким образом, перебой (умышленное заглушение) древней легендарной исторической традиции имел место уже в очень ранние времена — как результат ухода с прародины.

В данном случае не имеются в виду племена палеолитических охотников, свободно двигавшихся вслед за стадами по незанятым территориям. Но даже для них переход, например, из Северной Америки в Южную, в совершенно новые ландшафтные и климатические условия, означал перебой традиции, в том числе легендарной.

5. Легендарная история племени обычно начинается с ухода с прародины, состоит из достаточно подробного изложения перехода и заканчивается приходом на новую родину. Казалось бы, что о новой родине в легендах должны быть наиболее подробные и достоверные сведения. На самом деле это не так. Захватив, обычно силой оружия, подходящую территорию, племя, истомленное предыдущими скитаниями, стремилось удержать ее любой ценой. В исторических легендах часто вообще умалчивается о том, что на занятой территории, т.е. на новой родине, были какие-либо жители. В крайнем случае упоминаются злобные и глупые великаны, свирепые карлики, людоеды и тому подобная нечисть.

Так, исторические легенды племени ица (ах ицам) сообщают подробнейшие сведения о том, как это племя пришло в Юкатан (X в.) и заселило его, причем перечислены десятки городов и селений. Эта мирная идиллия опровергается как синхронными историческими источниками, так и данными археологии. Юкатан был занят племенем ица под руководством тольтекских военачальников после длительных и кровопролитных боев, причем бои начались уже в море, когда флотилия юкатеков безуспешно пыталась отбить вражеский десант у о-ва Косумель. По ходу этой войны, несомненно, было совершено много подвигов, достойных эпического описания. Однако, согласно историческим легендам, войны вообще не было, равно как в Юкатане не было никаких жителей, во всяком случае достойных упоминания в легенде. Это обстоятельство тем более примечательно, что именно Юкатан в это время был основным центром цивилизации в Мезоамерике (что, собственно, и вызвало поход против него в надежде на сказочную добычу, кстати, вполне оправдавшуюся).

Равным образом в исторических преданиях киче и какчикелей, в это же время вторгнувшихся в Гватемалу, нет смысла пытаться найти какие-либо сведения о многочисленных древних городах майя в этой области и т.п. Местные жители если упоминаются, то или в крайнем случае, или по недосмотру.

Точно такими же «фигурами умолчания» пестрят исторические легенды Старого Света. Это не частный, отдельный случай, а канон, исключения из которого редки. Древние исторические легенды тщательно редактировались.

6. Исторические легенды действительно первоклассный источник. Однако их задачей является не поддержание древнейшей традиции, а, наоборот, борьба как с предыдущими, так и с иного происхождения традициями, прямо или потенциально враждебными. В сущности каждая историческая легенда имеет точную датировку и не только сообщает о каких-либо фактах, но и перебивает все прочие нежелательные сообщения соответственно конъюнктурным обстоятельствам. Историческая легенда — источник крайне тенденциозный, особенно в начале и в конце.

В связи с этим следует отметить, что в ряде случаев полемика основана на недоразумении. Традиционная легендарная история часто (а фактически всегда) не соответствует действительной истории. Поэтому критика легендарной истории с позиций действительной истории лишена смысла. Изучение действительной истории, бесспорно, основная цель исследователя, но она не будет достигнута без знания легендарной истории, которая отражает не столько реальные исторические факты, сколько идеологические установки, также бывшие реальным историческим фактом, требующим не опровержения (что довольно просто), а объяснения.

Традиционная легендарная история должна быть критически рассмотрена не с точки зрения соответствия ее действительной истории, а по существу ее смысла, как источник определенной эпохи.

7. Согласно археологическим данным, во II тыс. до н.э. Мезоамерика была довольно густо заселена племенами, ведущими в основном уже производящее хозяйство — экстенсивное земледелие, дополняемое подсобными промыслами, как-то: охота, собирательство съедобных растений, меда, ракушек и т.п. По археологическим данным можно проследить, что большинство этих племен и значительно ранее жило на этой территории. В качестве основной земледельческой культуры в конце концов выдвинулась кукуруза, хотя древнейшие сорта имели слишком мало зерен на початке, чтобы удовлетворить нужды земледельцев. Тыквы, хлопчатник (для масла), авокадо и тому подобное не могли сохраняться и не только не давали возможности получить прибавочный продукт, но не могли даже предотвратить ежегодный голодный сезон.

По мнению ботаников, сорта культурной кукурузы, если и не очень урожайные, то во всяком случае рентабельные, были выведены древ-

ними селекционерами в горной Гватемале или Оахаке, а еще вероятнее примерно одновременно в нескольких местах. Из этих центров экстенсивное земледелие стало быстро распространяться и на север, и на юг, в Южную Америку. Известно, что во времена испанского завоевания, а также значительно раньше, в Гватемале жили племена языковой семьи майя-киче, а в Оахаке — сапотеки. Впрочем, в Гватемале и Оахаке жили и племена других языковых семей. Тем не менее общая картина представляется ясной: племена майя жили в Гватемале с незапамятных времен и были одними из создателей самого рентабельного земледелия.

Из какого языка происходит слово «кукуруза» определить трудно. Во всяком случае в Мексике было широко распространено название *шим* (*син*). Майя называли кукурузу *ишим*, что, очевидно, является народным переосмыслением непонятого названия (*иш-им*, букв. «маленькая грудка»), так как одновременно сохранялся и термин *шим*, явно связанный с атекским названием кукурузы *син-те*.

8. Согласно историческим легендам, насколько их можно проследить по источникам, ничего похожего не было. Все племена, просветившие Мексику, вторгались с севера.

В различных версиях этногонических легенд подчеркивается общее происхождение различных племен и народностей Мезоамерики, в том числе говорящих на самых разнообразных языках.

Отчасти в этом можно усмотреть характерную для народностей с племенными традициями генеалогическую классификацию (широко распространенную во всем мире), согласно которой все известные племена возводятся к сыновьям общих для всех прародителей.

Между тем явно подчеркивается, что земледельческие народы, имеющие сходную культуру, действительно восходящую к общему источнику (приемы возделывания кукурузы, земледельческий календарь, циклическое летосчисление, связанное со сменой правления, культ и ритуал), имеют общее происхождение. Культура распространялась из определенных центров, что удобно проследить по распространению календаря, тесно связанного и с земледелием, и с культом. В центрах культуры, т.е. в определенных городах, собирались на своего рода стажировку мудрецы из различных, в том числе весьма отдаленных, местностей, говорившие на различных языках и не всегда правильно понимавшие значение незнакомых слов.

О таких «соборах мудрецов» сохранились сведения. Так, согласно Иштлильшочитлю, около рубежа нашей эры мудрецы собирались в Тлапаллане, где обсуждали реформу календаря (согласование солнечного года с равноденствием) и составили календарные и астрономические (движение планет) таблицы. Кроме того, обсуждались «прошедшие события и бедствия», т.е. исторические легенды.

Известно, что у классических майя был «собор мудрецов» в Копане, на котором приняли единый лунный календарь. Даже после испанского завоевания в Юкатане состоялся «собор мудрецов» для уточнения календаря.

Возвратившись в свои города, мудрецы распространяли новые учения (разумеется, не без искажений), в том числе исторические легенды. Последние, однако, надо было увязать с собственными историческими легендами. Проще всего было присоединить их друг к другу, что обычно и делалось. В результате оказалось, что легендарная история одного из племен стала основной и всеобщей. Сверх того, участие мудрецов в каком-либо «соборе» стали в ряде случаев толковать как проживание соответствующих племен в городе, где состоялся «собор».

9. Согласно историческим легендам, получившим широкое распространение, сначала в Мексике жили великаны — сильные, но глупые дикари. Следует отметить, что в легендах многих других племен и народов Старого и Нового Света «дикарей» называют великанами.

Далее в Мексике появились ольмеки и шикаланки. Они приплыли на лодках с севера, вдоль Мексиканского залива, высадились у р. Пануко и прошли вдоль берега до Потончана, около устья р. Халиско (Грихальва), т.е. примерно до тех мест, где находился один из древнейших ольмекских городов Ла-Вента. Далее ольмеки истребили великанов и основали первый из упоминаемых в легендах культурный центр в Тамоанчане.

Название ольмеки (ульмеки) обычно толкуют как «люди смолы», т.е. живущие в местности, где много душистой смолы (аст. улли), употреблявшейся для жертвенных курений. Такая этимология вызывает, однако, ряд недоумений. Болотистые местности штата Табаско, где обитали ольмеки, не изобилуют смолой улли. Неясно, почему вообще название племени связали со смолой. Если считать, что название ольмеки отнюдь не тольтекское, а майя, то оно может означать «ракушкоеды» (майя ул — съедобная улитка). До перехода к земледелию прибывшее с севера племя, не имея возможности охотиться и прятавшееся в болотах от враждебных племен, должно было поневоле заниматься собирательством, причем съедобные ракушки и улитки играли очень важную роль.

В пользу возможности такой этимологии названия ольмеки свидетельствует и название их центра Тамоанчан. Это название осмысляли как аст. Тамоуан ичан, «там, где спускаются» (Муньос Камарго) или «найдем наш дом» (Саагун), но это, видимо, осмысление непонятного названия. Как отметил уже Зелер², Тамоанчан на языке майя означает «место облачного неба» или «место облачного змея», что примерно

² *Seler E. Gesammelte Abhandlungen. Berlin, 1902–1904.*

одно и то же, так как змей символизировал дождевые облака. Такое название вполне гармонирует с областью ольмеков, где дождливый сезон имеет рекордную продолжительность. При этом следует отметить, что имеется и тольтекский перевод — Мимишкова интлалпан («страна облачного змея»), но это название в легендах стало фигурировать как самостоятельное, обозначающее местность рядом с Тамоанчаном.

Тамоанчан в астекских песнях именуется родиной богини земли Тласол-теотл и богов кукурузы. В песне о богине Шочи-кецал Тамоанчан прямо назван «страной дождей и туманов». В Тамоанчане находилась пещера, из которой вышли предки племен. При этом общим родоначальником считался бог Истак Миш-коатл, «белый облачный змей». Здесь же появился великий культурный герой (именуемый по-разному), давший законы, календарь и так далее и обучивший земледелию.

В конце концов различные племена покинули по неясной причине Тамоанчан и разошлись в разные стороны. При этом некие мудрецы (гламатиниме) отправились на восток, т.е. в область расселения майя. Уход мудрецов в область майя, вероятно, реальный факт, связанный с возникновением культурных центров майя в департаменте Петен (Тикаль, Вашактун), а затем с обособлением культуры майя, в частности календаря.

10. Другим культурным центром в легендах назван Тлапаллан, который локализуется в области Ноновалко, около лагуны де-Тер-минос, место крупного «сбора мудрецов», календарной и религиозной реформы и редактирования исторических преданий. Иштлильшочитль связывает Тлапаллан с появлением тольтеков. Действительно, тольтекские мудрецы из Теотивакана, несомненно, были на «соборе» в Тлапаллане. Далее в легендах фигурируют уже хорошо известные по археологическим раскопкам центры Теотивакан, Толлан, Кульвакан.

В конкретных версиях исторических легенд древние центры расставляются довольно бесцеремонно в произвольном порядке. Например, тольтеки (в версии Саагуна) сначала приходят в Тамоанчан, затем уходят из него в северные степи, с тем чтобы еще раз вернуться. Иначе говоря, тольтекская историческая легенда просто присоединена к ольмекской. Астеки (теночки), наоборот, сначала покидают древнюю родину Астлан, потом приходят в Тамоанчан, затем в Толлан, и т.д. В данном случае хронология просто игнорируется. Отнюдь не удивительно, что, как только астеки достигли могущества, вождь Ицкоатл приказал сжечь пиктографические рукописи с изложением исторических легенд, потому что «их не ценил простой народ».

У майя историческая традиция явно также была прервана, причем, возможно, неоднократно. Разрушение ранних памятников в городах майя, возможно, было связано с событиями, которые привели к введению новой хронологии — счета по двадцатилетиям. Именно эта ре-

форма обособила календарь и хронологию майя от других мексиканских. Тем не менее в рукописях майя некоторые следы древней легенды имеются. Так, Белый бог дождя приплывает с севера на лодке и везет с собой бога кукурузы. Значительное внимание уделяется также водному собирательству — бог-земледелец по окончании полевых работ отправляется к водоему собирать лилии, ракушки и улиток.

11. В исторических легендах часто фигурирует пещера, из которой появились прародители племени. В связи с тем что пещеры служили жилищами не только в палеолите, но и в очень поздние времена, особенно во время переселений, естественно упоминание их в легендах. Вместе с тем под пещерой в легендах понимаются различные объекты. В одних случаях это настоящая пещера, из которой якобы вышли предки и которая пользовалась почитанием. Так, в Тамоанчане была пещера, из которой будто бы вышли предки племени. В других случаях под пещерой понимается долина или ущелье, где обитало племя. Так, «7 пещер», легендарная родина тольтеков, у киче названа «7 ущелий», а у майя — «7 покинутых домов». Таким образом, в определенных случаях «пещера» означает «место жительства предков». По тольтекской легенде тольтеки пришли в Толлан из «7 пещер» в северных степях. Киче отождествили «7 пещер» с самим Толланом. В текстах майя колониального периода, восходящих к легендам племени ица, которое было, как и киче, под тольтекским влиянием, упоминается пещера (хольтун) Суйва в качестве исходного культурного центра.

12. Несмотря на крайнюю тенденциозность, исторические легенды, несомненно, дают ряд ценных сведений. По-видимому, какое-то племя действительно приплыло с севера вдоль берега Мексиканского залива и обосновалось в Тамоанчане, где определенное время было гегемоном, в связи с чем именно его легенды стали официальной версией. Из этого, конечно, никак не следует, что вместе с этим племенем прибыли все ольмеки или майя.

По-видимому, действительно, в Тамоанчане и Тлапаллане существовали центры культуры, откуда распространялись способы интенсивного земледелия, дававшего высокий прибавочный продукт, а также приспособленный для сельскохозяйственных целей календарь и неразрывно с ним связанные религиозные представления. Однако культурная кукуруза была выведена значительно ранее и не в этих центрах.

Вполне возможно, что в формировании развития классической культуры майя сыграли роль выходцы из Тамоанчана. Из этого, конечно, не следует, что вся классическая культура майя пришла из Тамоанчана.

Следует строго различать легендарную и действительную историю. Для легендарной истории характерны перебои в традиции, перенос легенды на племена, к которым она отношения не имеет, игнорирование всего нежелательного.